

Эдит Несбит
ПЯТЕРО ДЕТЕЙ
И ОНО
ФЕНИКС И КОВЁР
ИСТОРИЯ
САМУЛЕТОМ

**ПЯТЕРО ДЕТЕЙ
И ОНО**

Глава первая
КРАСАВЦЫ И КРАСАВИЦЫ

От станции до дома предстояло преодолеть по крайней мере три мили.

Мама наняла старую дребезжащую, здорово пропылённую карету. И не успела эта самая карета отъехать от станции, как ребята принялись высовываться из окошка и каждую минуту приставать:

— Ну, скоро?

— Мы уже подъезжаем?

Но где там! Они ещё и пяти минут не проехали! Как только в стороне от дороги показывался какой-нибудь домик, они тут же кричали хором:

— Это он? Мы уже на месте?

Но это были всё чужие дома.

Лошадка не спеша трусила по дороге. Дорога стала помаленьку взбираться на холм, обогнула меловой карьер. Карета, последний раз скрипнув и дёрнувшись, остановилась.

Их взорам предстал дом, белый и приветливый, окружённый густым зелёным садом. Мама сказала:

— Ну вот, прибыли.

— Какой белый-белый домик! — обрадованно воскликнул Роберт.

— А розы-то, розы! — подхватила Антея.

— А сколько на ветках слив! — углядела Джейн.

— Тут симпатично, — вывел своё заключение Сирил.

И даже малыш проговорил:

— Хатю гуять топ-топ.

Всем разом захотелось вылезти из кареты. Дверца распахнулась, и возле неё образовалась куча мала. Только мама вела себя спокойно и никуда не спешила. Она медленно ступила на подножку, спустилась на землю и, вот интересно, вовсе не помчалась вслед за детьми в заросли шиповника и чертополоха, мимо сломанных ворот и пересохшего фонтана, сначала расплатилась с извозчиком, а после стала приглядывать за тем, как в дом вносили упакованные в картонные коробки вещи.

По правде говоря, дом был как дом, даже и не особенно красивый, а мама считала, что он не очень-то удобный: на кухне почти не было полок, где бы можно было разместить посуду,

да и толкового шкафа тоже не было. А папа говаривал, что вообще-то этот дом приснился архитектору в ночном кошмаре.

Но что бы там ни было, дом этот стоял в стороне от всякого жилья. Кругом был такой простор! Детям же, которые не выезжали из Лондона последние два года ни к морю, ни куда-нибудь на экскурсию в лесочек, этот белый домик показался волшебным замком, построенным посреди земного рая. А что Лондон? Он для детей всё равно что тюрьма. Особенно если их родители люди небогатые. Ну и что из того, что там есть театры и всякие магазины; если дома денег в обрез, то и в театры не походишь, и в магазинах особенно не раскупишься. В большом городе нет ни песочка, на котором позволяют поваляться без всякого ущерба для здоровья, ни деревьев, на которые разрешается влезать, ни леса, где можно погулять, ни лужочка, где сумеешь набегаться всласть. В городе всё каких-то не тех очертаний: улицы такие прямые, такие скучные, деревья подстриженные, как неживые. Вот почему в большом городе дети часто бывают озорные и непослушные. Они и сами не понимают почему, и папы, и мамы, и тёти, и дяди тоже не догадываются.

Дети успели обследовать и сад, и разные там постройки до того, как их загнали в дом,

велели умыться и почиститься с дороги, прежде чем сесть за стол.

Ребята решили, что им здесь будет очень хорошо. Им так показалось и с самого начала, но окончательно они в этом убедились, когда увидели у задней стены дома кусты жасмина, все обсыпанные белыми цветами, которые пахли как самые дорогие духи, и лужайку, всю покрытую густой зелёной травой, а не порыжелой, как в Лондоне, а к тому же ещё обнаружили на чердаке конюшни сохранившуюся там огромную охапку душистого сена. Тут ни у кого не осталось ни малейших сомнений. И уж совсем стало ясно, какая прекрасная жизнь их ожидает, когда Роберт нашёл поломанные качели, свалился с них, набив на лбу шишку величиной с куриное яйцо, а Сирил прищемил палец дверцей старой кроличьей клетки.

А самым замечательным было то, что тут не было никаких запретов: «Туда не наступай», «Туда не ходи», «Это не трогай». Ведь в Лондоне как? На всём как бы наклеены ярлыки: «Запрещено», «Не разрешается», «Не позволено». Ну, правда, ярлыков этих не видно, они как бы мысленные, но всё равно вы о них знаете, а если забыли, то вам быстренько напомнят.

Их белый домик стоял на вершине холма,

за домом тянулся лес, с одной стороны холма был меловой карьер, а с другой — песчаный.

У подножья холма расстилалась долина, на ней располагались какие-то странные постройки. Там люди обжигали известь, а не-вдалеке высился красный кирпичный дом — в нём варили пиво. И ещё какие-то домики виднелись рядом с пивоварней. Когда на закате дымили высокие трубы, то над долиной стелился золотой туман, и тогда в лучах заходящего солнца все постройки казались неким волшебным городом из сказок «Тысячи и одной ночи».

Много ещё чего можно было бы поведать об этих удивительных местах. Но лучше я вам расскажу, как дети, ровно через неделю по приезде, обнаружили волшебное существо. Оно называло себя феей, хотя на фею было ну решительно не похоже. Во всяком случае, ни-сколечко не напоминало тех фей, о которых вы слышали, читали или видели в книжках на картинках. А дело было так.

Папе срочно понадобилось по делам уехать в город. Мама решила навестить бабушку, которой слегка нездоровилось. Оба торопливо попрощались с детьми и уехали. Дома сразу сделалось как-то пусто и одиноко. Дети слонялись из комнаты в комнату, тупо глядя на обрывки верёвок и обёрточной бумаги,

которые ещё не успели убрать после того, как распаковали привезённые из города вещи. Они никак не могли придумать, чем бы им заняться. Наконец Сирил предложил:

— Послушайте-ка, давайте пойдём в песчаный карьер. Возьмём с собой лопатки и будем что-нибудь строить из песка. Мы вообразим, как будто мы находимся на морском берегу. Пошли, а?

— Папа как раз и говорил, что тут когда-то было море, — вспомнила Антея. — Он сказал, что в песке попадаются раковины, которым больше чем по тысяче лет.

И все вместе тронулись в путь. В первые дни они только к самому краешку карьера подходили, но не спускались ещё ни разу. Папа всё равно бы, наверное, не разрешил. У них хватило благоразумия не спускаться по отвесному косогору, они спокойненько сошли вниз по дороге, по которой обычно на телегах возили песок.

Каждый из них нёс свою лопатку, а к тому же они ещё по очереди тащили на руках Ягнёнка — так иногда называли малыша, потому что самое первое слово, которое он произнёс, было «Б-е-е-е». А Антею они иногда звали Пантерой. Оно кажется нелепым, когда читаешь, а когда произносишь её имя, то вроде бы и похоже.

Песчаный карьер был очень глубоким. Наверху по краям росла трава и какие-то голубые и жёлтенькие цветочки. Он напоминал великанский таз, в котором великан мыл руки. В крутых склонах карьера виднелись маленькие дырочки. Это как бы парадные двери, ведущие в гнёзда ласточек-береговушек.

Ребята как задумали, так и сделали: все вместе построили песчаный замок. Но одно дело, когда строишь замок на морском берегу. Потому что там накатывает волна, и утаскивает весь этот замок в море, и окатывает тебя морской пеной. Это бывает так весело.

Сирил хотел было начать копать пещеру, чтобы играть в контрабандистов, но все засомневались — а вдруг эта пещера обрушится и засыплет их, так что и не выбраться живыми. Дело кончилось тем, что ребята решили прокопать проход аж до самой Австралии. Там ведь, наверное, мальчишки и девчонки ходят вверх ногами, как мухи по потолку, головами вниз.

И вот они стали копать, и копать, и копать, и лица у них покраснелись, и со лба сбегали струйки пота, и они все перемазались в песке. Ягнёнок попытался попробовать песок на вкус, решив, видно, что это песок сахарный. Потом он горестно разрыдался,

обнаружив, какая это гадость. Наплакавшись, он уснул, свернувшись калачиком во дворе недостроенного замка. Теперь они получили возможность работать ещё старательнее. Скоро тоннель, ведущий в Австралию, стал таким глубоченным, что Джейн, которую для краткости называли Кисой, попросила, чтобы они лучше покончили с этим делом.

— Представьте себе, что мы свалимся на голову бедным маленьким австралийцам, и песок запорошит им глаза.

— Ага, — согласился Роберт, — и они при этом могут так на нас разозлиться, что забросают нас камнями и не позволят посмотреть на кенгуру, на опоссумов, на страусов эму и на всё прочее, такое австралийское-австралийское.

Сирил и Антея знали, что Австралия вовсе не так близко, но и они согласились отложить лопаты и стали разгребать песок просто руками. Это было вовсе не трудно, потому что песок на дне вырытой ямы был совсем мелкий и сухой, как песочек на приморском пляже, и в нём попадались мелкие морские ракушки.

— Надо же, — заметила Джейн, — видно, тут и впрямь когда-то было настоящее море, в нём плескались волны, плавали морские угри, и прочие рыбы, и русалки...

— И ещё на дне лежали потонувшие ко-

рабли и испанские каравеллы, в чьих трюмах было полно сокровищ, — добавил Сирил. — Хотел бы я найти золотой дублон или ещё какую-нибудь старинную монетку.

— А куда же подевали море? — с недоумением спросил Роберт.

— Ну не вёдрами же его вычерпали, дурачок, — пошутил старший брат. — Папа говорил, что земле под морским дном стало чересчур жарко, ну, знаешь, как тебе бывает иногда жарко под одеялом во сне, и ты высунешь плечо, и одеяло с тебя соскочит. Вот так и земля высунула плечо, и море с неё соскользнуло. А плечо так и осталось торчать и стало сушей. Пошли-ка лучше поищем раковины. Вон в той пещерке, кажется мне, их должно быть много. И что-то там торчит, похожее на якорь затонувшего корабля. А здесь, в этой австралийской яме, жуть как жарко.

Все с ним согласились. Только Антея продолжала выгребать песок руками. Она любила заканчивать однажды начатое дело. Ей казалось, что это позор — так и не добраться до Австралии. Решили так уж решили!

Указанная Сирилом пещера всех быстро разочаровала. Во-первых, там не оказалось никаких ракушек, а во-вторых, предполагаемый якорь обернулся просто черенком сломанной кирки. Им даже пришлось в голову, что